

ИЛЛЮЗИИ И РЕАЛЬНОСТИ ВЪ ПСИХОЛОГИИ ЭМИГРАНТСКОЙ МОЛОДЕЖИ.

I.

Въ эпохи историческихъ катастрофъ и переломовъ особенно остро сознается смѣна поколѣній. Въ Россіи всегда направленія складывались по десятилѣтіямъ, и одно десятилѣтіе поѣдало другое. Мы привыкли о прошломъ вѣкъ говорить: люди двадцатыхъ, тридцатыхъ, сороковыхъ, шестидесятыхъ, семидесятыхъ, восьмидесятыхъ, девяностыхъ годовъ. Въ нашу же эпоху раздѣль между поколѣніями отцовъ и дѣтей болѣе глубока, чѣмъ прежде, такъ какъ между ними лежитъ катастрофа міровой войны и революціи. Обычно различіе поколѣній очень преувеличивается ими самими. Человѣческая душа не мѣняется такъ быстро, и основы человѣческой природы остаются все тѣ же. Но можно считать закономъ, что новое поколѣніе, пришедшее послѣ катастрофы, несетъ съ собой реакцію противъ поколѣній предшествующихъ и готово чувствовать бѣольшую близость къ болѣе отдаленному историческому прошлому. Меня будетъ интересовать душевная структура русской эмигрантской молодежи послѣреволюціонной эпохи, ея основные аффекты и движущіе мотивы. Характеризовать я буду средній преобладающій типъ. Типологическая характеристика не

можетъ давать индивидуальныхъ портретовъ. Всегда возможны разныя степени индивидуализаціи, и отдѣльные люди могутъ не узнать себя въ такого рода характеристикѣ.

Русской эмигрантской молодежи выпала несчастная доля, и не по ея винѣ. Судьба ея трагична. Быть оторваннымъ отъ родины — великое несчастье. Оторванность эта калѣчитъ человѣческую душу, лишаетъ ее нормальнаго источника питанія. Молодежь эта въ массѣ своей не приняла революціоннаго процесса, происходившаго въ русскомъ народѣ. Она не приняла не только большевизма и совѣтской власти, она не приняла революціи въ цѣломъ и потому оказалась выброшенной за бортъ Россіи. Она принадлежитъ къ классамъ, по которымъ революція ударяла. Она обречена на незнаніе Россіи, на очень малый объемъ опыта о Россіи. Но чѣмъ меньше она Россію знаетъ, чѣмъ дальше отъ нея отстоитъ, тѣмъ болѣе страстно о ней мечтаетъ. Любовь въ разлукѣ есть особенно напряженная любовь. Молодежи эмигрантской, не принявшей революціи, данъ былъ опытъ очень острый, но опытъ очень суженный, при которомъ очень затруднено сравненіе Россіи современной, пореволюціонной съ Россіей старой, дореволюціонной. Молодежи доступно лишь очень отвлеченное знаніе старой Россіи, или книжное или по искаженнымъ воспоминаніямъ старшихъ поколѣній. Лишь въ дѣтствѣ она знала старую Россію. Въ періодъ же созрѣванія ей былъ данъ опытъ о Россіи въ міровой войнѣ, т. е. въ совершенно исключительномъ состояніи, потомъ устрашающій опытъ революціи, гражданской войны, работы на фабрикѣ, скитаній по всему свѣту, чужому и далекому. И основнымъ аффектомъ, которымъ опредѣляется душевная структура молодежи, является аффектъ ужаса передъ революціей и передъ всѣмъ, что революцію породило и сдѣлало не-

счастной ея собственную долю, лишило ее возможности жить нормальной жизнью. При этомъ бываетъ очень трудно понять революцію въ исторической перспективѣ. Такое пониманіе рѣдко бываетъ дано жертвамъ революціоннаго процесса. Ужасъ, страхъ не благопріятствуетъ познанію. Необходимо побѣдить страхъ, чтобы понять и осмыслить. Страхъ создаетъ неврозы, невропатическій темпераментъ, которому кое-что открывается, но многое закрывается. Аффектъ страха опредѣляетъ ббльшую часть эмигрантскихъ настроеній, эмигрантскую установку сознанія.

Эмигрантская молодежь обречена жить въ состояніи внѣшняго разрыва, небывалаго по своей остротѣ и по своимъ размѣрамъ. Но этотъ внѣшній разрывъ, эта обреченность жить въ разрушенномъ, распыленномъ быту усиливаетъ жажду внутренней цѣльности и освященности жизни. Никогда еще внѣшній укладъ жизни не былъ такъ мало органиченъ, такъ мало освященъ. Но это усиливаетъ мечту объ органическомъ и освященномъ укладѣ жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ душа молодежи жаждетъ пріобщиться къ подлиннымъ реальностямъ, не хочетъ жить призраками и иллюзіями, обманчивыми идеологіями прошлаго, хочетъ правдивости въ отношеніи къ жизни. Усложненная внутренняя раздвоенность прежнихъ поколѣній отталкиваетъ молодежь. Ей претитъ та внутренняя нецѣльность и размягченность, которая въ прошломъ породила у насъ типъ «лишнихъ людей», окончательно, повидимому, уничтоженныхъ революціей. Она не хочетъ рефлексіи, ослабленія воли, хочетъ жить цѣлостной волей. И въ этомъ ея преимущество, хотя обратной стороной этого преимущества является ослабленіе мышленія, нелюбовь къ познанію. Катастрофа и кризисъ приводитъ душу къ освобожденію отъ многихъ старыхъ иллюзій, отъ старыхъ кумировъ. И прежде всего

освобождаетъ отъ иллюзій революціонныхъ, отъ прежнихъ соціальныхъ утопій. По генезису своему молодежь эмиграціи связана съ гражданской войной и бѣлымъ движеніемъ. Въ этомъ зачалась душевная установка всего эмигрантскаго отношенія къ революціи и процессамъ, происходящимъ въ Россіи. И молодежи, болѣе чуткой и подвижной, чѣмъ старшія поколѣнія эмиграціи, приходится мучительно изживать послѣдствія этого своего происхожденія отъ періода гражданской войны со всѣми ея погибшими надеждами и иллюзіями. Бѣлое движеніе было необходимымъ моментомъ самой революціи, и оно цѣликомъ принадлежитъ періоду разлива революціи съ ея стихійными процессами. Оно совсѣмъ не означало изживанія революціи и возникновенія процесса пореволюціоннаго. Никто не можетъ отрицать элементовъ героическихъ и мотивовъ чести и страстнаго патріотизма въ бѣломъ движеніи, наряду съ грязью, насильничествомъ и корыстными вожделѣніями, которыя къ нему прилипали. Но бѣлое движеніе, связанное съ элементами дореволюціонными, съ классами и политическими направленіями, ушибленными и вытѣсненными ходомъ революціи или игравшими роль лишь въ первой стадіи революціи, обречено было на неудачу. Оно не могло быть исходомъ революціи. Такъ революціи никогда не кончаются. Это есть изжитая первоначальная стадія эмиграціи. Изжито все дореволюціонное и возможно лишь все пореволюціонное. И изживаніе это съ особенной остротой протекаетъ въ душахъ молодежи, которая не можетъ не быть обращена къ будущему. Изживаніе это и возникновеніе новыхъ направленій страшитъ старыя слои эмиграціи и старыя политическія направленія.

Въ послѣдніе годы среди эмиграціи возникаютъ новыя направленія, совсѣмъ уже не связанныя съ первоначальной установкой эмиграціи относитель-

но процессовъ, происходящихъ внутри Россіи. Они характеризуются поворотомъ къ внутренней Россіи. Эти направленія — или чисто духовныя, религіозныя, или національно-политическія, но стремящіяся обосновать себя на духовныхъ, религіозныхъ началахъ. Чисто духовнымъ, религіознымъ является Христіанское Студенческое Движеніе молодежи, отдѣляющее себя отъ всякой политики. Движеніе же духовно-національныхъ и духовно-политическихъ нарождается цѣлый рядъ. Таковы прежде всего евразійцы, наиболѣе себя выявившіе и привлекшіе къ себѣ вниманіе, лидеры и идеологи которыхъ не могутъ уже быть причислены къ молодежи и принадлежать къ старшему поколѣнію. Таковы младороссы и національ-большевики или національ-максималисты. Это уже теченія, не связанныя съ традиціями бѣлаго движенія, не отрицающія внутренней Россіи. Теченія эти не хотятъ быть реставраціонными, контръ-революціонными, сознаютъ себя теченіями пореволюціонными и возникновеніе ихъ несомнѣнно связано съ періодомъ изживанія революціи и осмысливанія ея послѣдствій. Молодежь начинаетъ замѣчать, что, какъ ни ужасна и ни безобразна революція, послѣдствія ея могутъ быть не только отрицательными, но и положительными. Начинаютъ сознавать, что революція ведетъ къ положительнымъ послѣдствіямъ для Православной Церкви въ Россіи, къ религіозному возрожденію и обновленію. Съ другой стороны сознаютъ, что революція имѣетъ и положительныя соціальныя послѣдствія, пріобщая къ активной исторической жизни новые слои русскаго народа. Сознаютъ, наконецъ, что послѣдствія революціи для нашего національнаго сознанія не только отрицательныя, что внутри Россіи по новому укрѣпляется національное сознаніе, сознаніе великой миссіи Россіи въ мірѣ. Но эти новыя, пореволюціонныя, обращенныя къ буду-

щему направлѣнія возникаютъ въ реставраціонной по своей структурѣ душѣ, и это очень запутываетъ эти теченія и способствуетъ созданію новыхъ иллюзій.

II.

Какіе мотивы способны дѣйствовать на душу современной молодежи и вдохновляютъ ее? Такихъ мотивовъ только два — религіозно-церковный и національно-государственный. Къ этому можно было бы прибавить еще мотивъ технической. Увлечение молодежи техникой есть міровое явленіе. Но оно захватываетъ совсѣмъ особые слои молодежи, и мало интересно для моей темы. Современной молодежи чужды мотивы исканія соціальной правды и освобожденія человѣческой личности, которые вдохновляли рядъ поколѣній XIX вѣка. Пафосомъ свободы или соціальной справедливости не загораются сердца современной молодежи. Эти мотивы представляются ей разрушительными и приведшими къ революціи. Свободолюбивыя мечты по сознанію молодежи и довели Россію до революціи, внушающей ей ужасъ. Соціальная правда обернулась большевизмомъ. Также чужда современной молодежи, за рѣдкими исключеніями, жажда творчества духовной культуры, стремленіе къ познанію, какъ самостоятельной цѣли, къ усложненной и утонченной мысли, любовь къ философіи и искусству. Этимъ увлечено было поколѣніе начала XX вѣка, къ которому я принадлежу, и увлеченіе это привело къ своеобразному русскому ренессансу. Современная молодежь психологически наиболѣе походитъ на нигилистическую и революціонную молодежь 60 и 70 г. г., хотя во всемъ противоположна ей по вѣрованіямъ и идеямъ. Въ нынѣшнемъ поколѣніи молодежи ослабѣла пытли-

вость ума, въ немъ нѣтъ духовнаго волненія и умственнаго вопрошанія предшествующаго поколѣнія или поколѣній 30 и 40 г. г. прошлаго вѣка. Особенно это приходится сказать про молодежь зарубежную. Внутри Россіи молодежь болѣе пытлива, болѣе жаждетъ знаній. Я нѣсколько лѣтъ въ совѣтскій періодъ въ Москвѣ читалъ лекціи въ «Государственномъ Институтѣ Слова». Это была аудиторія революціи, среди слушателей было много анархистовъ и коммунистовъ, вышедшихъ изъ новыхъ слоевъ, выдвинутыхъ революціонной волной. Послѣ лекцій я устраивалъ бесѣды, и у меня осталось самое лучшее воспоминаніе объ огромной жаждѣ знанія, объ умственной пытливости, о мучительной жаждѣ разрѣшить основные вопросы жизни этой мало подготовленной и мало культурной молодежи. Особенно выдавалось своей взволнованностью и жаждой знанія анархически настроенная молодежь. Творческая жизнь умственной культуры слагается изъ двухъ элементовъ — изъ культурной традиціи умственной и духовной аристократіи, связанной съ великимъ культурнымъ прошлымъ, и изъ жажды приобщенія къ культурѣ и знанію новыхъ народныхъ слоевъ, обладающихъ свѣжестью варвара, пробудившигося къ умственной жизни. Но самое печальное явленіе представляетъ деградация и варваризация внутри культуры и культурныхъ слоевъ. Съ этимъ явленіемъ мы часто встрѣчаемся въ эмиграціи. Это есть усталость и испуганность ума.

И въ области церковной, которая такъ искренно привлекаетъ молодежь, она боится творчества и настроена традиціоналистически-консервативно. Христіанство она понимаетъ прежде всего и болѣе всего литургически. Въ этомъ есть своя большая правда, но очень суженная и односторонняя. Молодежь ищетъ прочности, авторитета, опоры въ крѣпкой и успокаивающей традиціи, боится рели-

гіозныхъ исканій. Эта жажда во всемъ незыблемости и авторитета есть психологія, свойственная людямъ претерпѣвшимъ кораблекрушенія въ разбушевавшемся океанѣ. Ищутъ властнаго капитана, который спасетъ отъ гибели, и готовы авторитету его вручить свою жизнь. Церковь воспринимается прежде всего, какъ якорь спасенія, какъ тихая пристань послѣ бурнаго плаванія. Усталыя, измученныя души припадаютъ къ Церкви и не имѣютъ силы и дерзновенія ставить внутри Церкви творческія задачи. Пытливость религіозной мысли пугаетъ, и всякая религіозная проблематика представляется ересью, грозящей новыми бурями. Такова же и современная католическая молодежь Франціи. Техника представляется, быть можетъ, единственной областью, въ которой допускается творчество. Это объясняется тѣмъ, что техника есть область наиболѣе нейтральная и наименѣе возбуждающая духовныя бури. И это есть область неустанныхъ изобрѣтеній и открытій, въ которой авторитетъ и традиція не могутъ играть преобладающей роли. По душевной ея структурѣ современную молодежь отталкиваетъ индивидуальная творческая мысль, творческая инициатива, исходящая изъ глубины личности, изъ личнаго своеобразія. Вопросъ тутъ не въ индивидуализмѣ, который подлежитъ преодолѣнію, а въ отношеніи къ личности. Персонализмъ совсѣмъ не то же самое, что индивидуализмъ, и имѣетъ вѣчное значеніе. Молодежь коллективистична по своему мышленію. Въ этомъ молодежь эмиграціи формально сходится съ молодежью коммунистической. Въ комсомолѣ мыслить коллективъ, а не личность. Болѣе того, этой своей чертой русская молодежь сходится съ молодежью другихъ странъ, съ итальянскими фашистами, мышленіе которыхъ можетъ быть названо полковымъ и является маршировкой по приказу полкового командира, съ молодежью, груп-

пирующейся вокругъ «Action Francaise». Тутъ есть, конечно, здоровая реакція противъ индивидуализма XIX в., противъ оторванности отъ соціального цѣлаго рафинированныхъ культурныхъ группъ. Но есть и большая опасность отрицанія личнаго начала, опасность гибели человѣческой личности въ соціальномъ коллективѣ, которую мы и видимъ въ коммунизмѣ. Мышленіе современной молодежи соціально. И не потому оно соціально, что соціальныя проблемы являются предметами мышленія, а потому, что соціаленъ, коллективистиченъ, не индивидуаленъ самый субъектъ мышленія. Мышленіе коллективистическое, соціальное всегда стремится быть ортодоксальнымъ и боится ереси, оно авторитарно. Всякій коллективизмъ сознанія стремится образовать свою ортодоксію. Ортодоксія коллектива характерна для современной молодежи, при этомъ ортодоксія эта можетъ быть очень разнообразна, отъ ортодоксіи марксистской до ортодоксіи фашистской или ортодоксіи церковнаго консерватизма. Это обычно и отталкиваетъ отъ философской мысли, которая наименѣе коллективистична, наиболѣе свободна и индивидуальна. Соціальный коллективизмъ сознанія и мышленія внушаетъ также нелюбовь къ свободѣ. Свобода допускается исключительно какъ выявленіе цѣлостной воли соціального коллектива, какъ обнаруженіе его сверхличной строительной энергіи. Я не говорю здѣсь объ ортодоксіи самой Истины христіанскаго откровенія, которая требуетъ свободы личнаго духа.

Послѣ пережитой катастрофы душъ русской молодежи открылись подлинныя реальности, реальности религіозныя и національныя. Въ этомъ ея преимущество. Для ряда поколѣній XIX в. эти реальности были закрыты, и этимъ души были искалѣчены, не приобщаясь къ истокамъ подлиннаго бытія и не получая духовнаго питанія. Мно-

гія иллюзіи, многія призрачныя идеологіи рухнули и изобличилась ихъ пустота. Таковы прежде всего иллюзіи революціонныя. Сто лѣтъ жила русская интеллигенція революціонной мечтой. Этотъ вѣкъ кончился русскою революціей. И мечта эта уже не будетъ владѣть душой русской молодежи. Но возникли новыя иллюзіи, перемѣшивающіяся съ реальностями. Полнота никогда не достигается односторонними реакціями души. Если рухнули иллюзіи революціонныя, то на ихъ мѣсто стали иллюзіи реставраціонныя, которыя психологически на нихъ очень походятъ. Духовная направленность эмигрантской молодежи изначально и кореннымъ образомъ реставраціонная, она вызвана реакціей противъ революціи, пережитой, какъ ужасъ и зло. Эта душевная подпочва чувствуется за всѣмъ многообразіемъ направленій и теченій, прикрытыхъ другими мотивами. Когда дѣйствуешь среди эмиграціонной молодежи, то не можешь не сознавать, что дѣйствуешь въ средѣ реакціонной. Я сейчасъ употребляю этотъ терминъ не въ старомъ политическомъ смыслѣ, а въ смыслѣ психологическомъ и духовномъ. Старое дѣленіе политическихъ направленій на «правыя» и «лѣвыя» потеряло всякій смыслъ и сейчасъ меня совсѣмъ не интересуется. Но существуетъ реакціонная формація души, въ которой всегда играетъ господствующую роль аффектъ испуга и страха, боязнь творчества и свободы. Такого рода душевная формація неизбежно порождаетъ цѣлый рядъ иллюзій и призраковъ. Важно прежде всего установить, что реакціонная душа также невѣрно устанавливаетъ свое отношеніе къ прошлому, настоящему и будущему, какъ и душа революціонная. Иллюзорное прошлое и иллюзорное будущее одинаково предстоить передъ той и другой душой. Это всегда есть безсиліе справиться съ проблемой времени, основной проблемой человѣческой жизни, безсиліе

достигнуть душевной цѣльности и полноты черезъ обращеніе къ вѣчности, ложное исканіе вѣчности въ прошломъ или будущемъ, въ разорванныхъ частяхъ времени.

III.-

Русская интеллигенція XIX в. чувствовала себя оторванной отъ настоящаго и страстно мечтала о будущемъ. Такой нелюбви къ настоящему, такой оторванности отъ него и возстанія противъ него, какое мы видимъ въ исторіи русскаго сознанія прошлаго вѣка, не зналъ ни одинъ народъ Западной Европы. Это есть характерно русское отщепенство и скитальчество духа. Оно давало своеобразную свободу и дерзновеніе, оно противоположно всякому мѣщанству. Но такая исключительная направленность къ будущему создавала рядъ иллюзій, иллюзій революціонныхъ. Она означаетъ перенесеніе вѣчнаго блага и вѣчной правды въ тотъ отрывокъ времени, который называется будущимъ. Современное поколѣніе молодежи, ушибленное революціей, поворачиваетъ обратно свою духовную направленность. Оно также и даже еще болѣе оторвано отъ настоящаго, чѣмъ поколѣніе XIX в., но мечтаетъ не о будущемъ, а о прошломъ. Прошлое нерѣдко представляется эмигрантской молодежи золотымъ вѣкомъ. Одни идеализируютъ Россію императорскую, другіе Россію допетровскую и московскую, третьи Россію татарскую. Природа мечты такова, что она одинаково можетъ быть направлена и на будущее и на прошлое. Но одинаково ошибочна и порождаетъ иллюзій и метательная идеализація прошлаго и мечтательная идеализація будущаго. Ибо Царства Божьяго, царства правды, совершенной жизни нельзя найти ни въ прошломъ, ни въ будущемъ, ни въ на-

стоящемъ, а лишь въ вѣчномъ. И лишь обращенность къ вѣчному и воля, направленная къ реализаціи вѣчнаго въ каждомъ мгновеніи жизни, освобождаетъ отъ иллюзій и призраковъ, дѣлаетъ людей подлинными реалистами. Современной молодежи свойственно мечтательное отношеніе къ старой Россіи, особенная любовь къ той Россіи, которой она никогда не видѣла и никогда не увидитъ. У наиболѣе безкорыстной, отрѣшенной отъ всякихъ интересовъ молодежи есть романтическое отношеніе къ старому строю, есть чувство рыцарской вѣрности тому, что представляется священнымъ. Русской эмигрантской молодежи приходится жить среди разрушеннаго и распыленнаго быта, среди чуждыхъ ей народовъ. И въ душѣ ея легко рождается иллюзія, что въ прошломъ быть былъ цѣльнымъ, освященнымъ и священнымъ. Что въ прошломъ, до революціонной катастрофы, быть былъ болѣе цѣльнымъ и освященнымъ, чѣмъ въ наши дни, это безспорно. Но нужно помнить, что уже двѣсти лѣтъ послѣпетровская Россія переживала періодъ критическій, не органической. Стилъ Домостроя прогрессивно разрушался. Русское дворянство и русская интеллигенція, весь нашъ культурный слой, пережили столь сильное западное вліяніе, что о цѣльномъ и единомъ стилѣ освященнаго быта не могло быть и рѣчи. Но и въ болѣе цѣльной и органической допетровской Руси, гдѣ жизнь во всемъ опредѣлялась и освящалась Церковью, были и смутныя эпохи и религіозный расколъ. Искать въ прошломъ идеальной органической цѣльности освященнаго быта всегда вѣдь есть иллюзія, разрушаемая объективной исторической наукой. Въ прошломъ было много вѣчнаго, прекраснаго и добраго, и нѣтъ ничего болѣе неблагороднаго, чѣмъ революціонное отрицаніе всего прошлаго. Но въ прошломъ было и много временнаго и тлѣннаго, уродливаго и недобраго.

Основная иллюзія мечтательнаго и идеализирующаго отношенія къ прошлому порождаетъ цѣлый рядъ частныхъ иллюзій. Такова прежде всего очень сильно дѣйствующая иллюзія священной монархіи и священной власти. Спасеніе Россіи видятъ въ возстановленіи священной монархической власти. Прочной и авторитетной представляется лишь власть, опирающаяся на Церковь, а не на зыбкія стихіи міра. И многимъ кажется, что русская монархія въ прошломъ дѣйствительно осуществила идеаль священнаго, теократическаго самодержавія. Но это иллюзія. Даже Л. Тихоміровъ, главный теоретикъ у насъ религіозно освященнаго самодержавія, принужденъ признать, что настоящаго самодержавія и въ Россіи никогда не было, какъ не было и въ Византіи, что у насъ преобладалъ абсолютизмъ, который принципиально отличается отъ самодержавія. Невозможно отрицать, что монархія играла огромную положительную роль въ русской исторіи. Возможны споры о томъ, чтб въ ближайшемъ будущемъ для Россіи болѣе цѣлесообразно и правдоподобно, монархія или республика. Но для значительной части эмиграціи, какъ молодой, такъ и старой, монархія сейчасъ есть рожденная ненавистью къ настоящему утопія совершеннаго общественнаго строя. Она играетъ ту же роль, какую игралъ социализмъ въ теченіе всего ХІХ вѣка, который также былъ утопіей совершеннаго социальнаго строя. Не только социалисты въ точномъ смыслѣ слова, но и либералы преклонялись у насъ передъ идеаломъ социализма, но только не считали себя достойными служить осуществленію такой великой идеи, требующей жертвъ и героизма. У насъ никогда не было самостоятельнаго либерализма. Либераль былъ чловѣкъ, который говорилъ, что социализмъ, конечно, выше всего, но у него жена, дѣти, и онъ не имѣетъ силы характера все отдать для осуще-

ствленія соціалізма. Теперъ такимъ идеаломъ пер- ваго сорта является монархія, республика же является идеаломъ второго сорта. И я боюсь, что вотъ что можетъ произойти: сто лѣтъ въ монархическомъ строѣ у насъ мечтали о соціализмѣ, теперь сто лѣтъ въ строѣ соціалистическомъ у насъ будутъ мечтать о монархіи. Національное чувство, которое революція довела до большого напряженія, неизбѣжно связывается съ монархіей и этимъ получаетъ подчиненное значеніе. Если человѣкъ хочетъ любить только монархическую Россію, то значитъ любовь къ Россіи и къ русскому народу не является у него первичной и главенствующей, имъ движетъ любовь къ государству и государственной формѣ, а не къ своей землѣ и своему народу.

Рождается еще другая иллюзія, — иллюзія статическаго, застывшаго, окончательно раскрывшагося и вполне достроеннаго Православія. Эта иллюзія очень сильна и владѣетъ всего болѣе душами молодежи. Но она покоится на незнаніи исторіи Церкви и христіанства, на неспособности различать вѣчное и временное, божественное и человѣческое. Эта историческая иллюзія ведетъ къ отрицанію возможности творческаго процесса развитія внутри Церкви, внутри Православія. Единственной задачей представляется вживаніе въ Православіе, окончательное обращеніе къ Церкви, но внутри Церкви, внутри самого Православія уже не ставится никакихъ творческихъ задачъ, уже не мыслится никакого движенія. Человѣкъ входитъ въ абсолютный порядокъ и абсолютный покой. Есть движеніе къ Церкви, но нѣтъ движенія въ Церкви. Это въ сущности есть моноэпитское пониманіе Церкви, отрицаніе ея богочеловѣческаго характера, изъ котораго неизбѣжно вытекаетъ человѣческая въ ней активность. Всякое творческое религіозное движеніе внутри Церкви и Пра-

вославія пугаетъ, какъ нарушеніе традиціи, какъ разрушеніе вѣчнаго порядка и покоя, какъ возможность ереси. Съ этимъ связана иллюзія абсолютнаго авторитета іерархіи, которая казалось бы получаетъ самые сильные удары отъ современной церковной распри, когда высшіе іерархи Церкви отрицаютъ другъ друга и утверждаютъ противоположное. Потребность опереться на абсолютный авторитетъ іерархіи носить совершенно психологическій, эмоціональный характеръ и не имѣетъ объективнаго догматическаго обоснованія въ сознаніи Православной Церкви. Потребность во всемъ возложиться на внѣшній авторитетъ и искать этого авторитета есть порожденіе усталости и испуганности, боязнь бремени свободы выбора, личной отвѣтственности, необходимости самому что-то рѣшать. Это есть то, что геніальное было предвидѣно Достоевскимъ и выражено въ Легендѣ о Великомъ Инквизиторѣ. Христіанство въ Легендѣ Достоевскаго и есть свобода духа, возложеніе на себя бремени и тяготы свободы выбора, согласіе на страданіе во имя свободы. Даже та современная молодежь, которая Достоевскаго чтитъ и любитъ, повидимому не вникаетъ въ основную идею всего творчества Достоевскаго. Иначе она не становилась бы на сторону Великаго Инквизитора. Она поняла бы, что свобода не есть притязаніе и право, самораспусканіе и самоудовлетвореніе человѣка, а есть великая отвѣтственность, бремя и тягота, возложенная на человѣка Богомъ. Не человѣкъ требуетъ свободы отъ Бога, а Богъ требуетъ свободы отъ человѣка и принимаетъ его лишь свободнымъ. Свобода не легкая вещь, свобода самая трудная вещь, требующая отъ человѣка великихъ жертвъ, великой внутренней активности духа. Легкой является жизнь по авторитету, жизнь по принужденію. Великій Инквизиторъ хочетъ устроить для людей пріятную и легкую жизнь дѣтей и обли-

часть Христа въ томъ, что Онъ недостаточно любилъ людей, требуя отъ нихъ свободы.

IV.

Новыя теченія среди молодежи не хотятъ быть реставраціонными, считаютъ себя пореволюціонными и по иному опредѣляютъ свое отношеніе къ внутренней Россіи и къ революціи. Наиболѣе живая часть молодежи освобождается отъ дурной эмигрантской психологіи и хочетъ усвоить себѣ социальныя послѣдствія революціи, соединивъ ихъ съ началами церковными и національно-государственными, которыя были чужды прежнимъ искаателямъ социальной правды. Такого рода тенденція мнѣ представляется въ основномъ вѣрной и заслуживающей сочувствія. Но и та молодежь, которая дѣлается болѣе чуткой къ мотивамъ социальной правды, не имѣетъ вѣрной исторической перспективы. Эти новыя и болѣе живыя пореволюціонныя теченія возникаютъ у молодежи, душа которой изначально опредѣлилась, какъ реакціонная въ отношеніи къ революціи и ко всему, что вело къ ней, и реставраціонная. Усвоеніе такой душой социальныхъ результатовъ революціи — процессъ очень сложный и мучительный. Не легко ей будетъ подойти къ душѣ рабочаго. Мы видимъ, что молодежь, согласная ввести социальную правду въ свое міросозерцаніе и свою программу, относится съ враждой и даже ненавистью къ русской лѣвой интеллигенціи, которая сто лѣтъ стремилась къ социальной правдѣ и отдала ей всю жизнь. Во имя социальной правды и справедливости, во имя блага трудового народа эта интеллигенція пожертвовала всѣмъ, шла на каторгу и висѣлицу, соглашалась поглупѣть и умственно опроститься до исповѣданія самыхъ жалкихъ матеріалистиче-

скихъ ученій, — она отказалась отъ красоты, отъ радостей личной жизни на землѣ и отъ надежды на жизнь вѣчную. Даже религіозныя надежды на жизнь вѣчную представлялись ей противорѣчащими исканіямъ соціальной правды. Ей былъ свойственъ своеобразный аскетизмъ, изъ аскетизма отрицала она и религіозную вѣру. Это есть религіозный феноменъ, невѣдомый Западу, и требующій еще изученія. Но въ немъ религіозная направленность души была извращена и искалѣчена. Поклонялись кумиру вмѣсто живого Бога. Я въ теченіе двадцати лѣтъ моей жизни много силъ отдалъ критикѣ русской интеллигенціи, опроверженію ея ложнаго міросозерцанія и я не принадлежу къ ея духовному типу. Но сейчасъ я особенно остро чувствую потребность въ справедливости. Наши почвенныя сословія, которыя сейчасъ склонны идеализировать въ противовѣсъ интеллигенціи, беспочвенной и безсословной, никогда соціальной правды не искали. Не искало ея ни столь крѣпкое сословіе духовное, ни сословіе купеческое и мѣщанское, ни чиновничество. Только избранная часть русскаго дворянства, т. е. класса наиболѣе заинтересованнаго въ соціальной неправдѣ, отдавала себя исканію соціальной правды, прежде всего борьбѣ противъ крѣпостного права. Отъ Радищева, сказавшаго: «душа моя страданіями человѣческими уязвлена стала», и этимъ открывшаго исторію русской интеллигенціи, черезъ декабристовъ до дѣятелей освобожденія крестьянъ и до кающихся дворянъ лучшая часть нашего дворянства готова была отдать себя служенію соціальной правдѣ и справедливости. Искалъ ее хотя и не нашель, интеллигентъ на тронѣ Александръ І. Герценъ, Бакунинъ, Крапоткинъ, Л. Толстой принадлежали къ высшему слою русскаго дворянства. На этомъ пути дворянство теряло свой сословный характеръ и превращалось въ интеллигенцію.

Культурный слой нашего дворянства создалъ великую русскую литературу, которая потрясла міръ своими мотивами состраданія, челоѣколюбія и народолюбія, своей любовью къ правдѣ и своимъ сочувствіемъ къ униженнымъ и угнетеннымъ. Но не эти стороны русскаго дворянства и русской литературы привлекаютъ сейчасъ молодежь. Она гораздо болѣе отзывчива къ мотивамъ военной доблести и государственнаго служенія. Николай Ростовъ ей ближе Пьера Безухова и князя Андрея Болконскаго. Представители современныхъ направленій, согласныхъ признать соціальныя результаты революціи и стремленіе къ соціальной правдѣ сдѣлать однимъ изъ своихъ лозунговъ, изначально были равнодушны къ этимъ мотивамъ, и ни къ какой соціальной правдѣ не стремились. Я не вижу, чтобы евразійцы въ своемъ душевномъ и соціальномъ генезисѣ интересовались соціальнымъ вопросомъ и имѣли самостоятельный интересъ къ осуществленію соціальной справедливости. То же нужно сказать про младороссовъ. За рѣдкими исключеніями представители этихъ направленій, готовыхъ идти съ комсомоломъ, опредѣляютъ свое отношеніе къ соціальнымъ послѣдствіямъ революціи и къ соціальной правдѣ исключительно изъ тактическихъ соображеній. Часть молодежи поняла, что кончить революцію можно лишь признавъ и принявъ ея существенныя соціальныя результаты, что тутъ ничего не подѣлаешь, что нужно согласовать свои лозунги съ рабоче-крестьянскими массами, которыя не уступятъ завоеваннаго ими положенія. При этомъ въ центрѣ продолжаетъ стоять не соціальная проблема, не проблема организациі труда, а проблема завоеванія власти. Молодые направленія сходятся и съ большевизмомъ и со старой эмиграціей въ томъ, что самымъ важнымъ считаютъ завоеваніе и укрѣпленіе государственной власти. Въ сознаніи русскихъ комму-

нистовъ проблема организаціи и охраненія власти окончательно заслонила проблему соціальной правды, проблему организаціи труда. То же нужно сказать и про всѣ эмигрантскія направленія, которыя прежде всего хотятъ возстановить власть и ищутъ путей ея возможнаго укрѣпленія. Никто не интересуется соціальной правдой по существу, паѳосъ соціальной правды скомпрометированъ коммунистической революціей даже въ глазахъ самихъ коммунистовъ. А безъ паѳоса, безъ непосредственнаго духовнаго порыва ничего нельзя сотворить. Тактическое принятіе рабоче-крестьянской платформы есть вещь совершенно безплодная и ненужная.

Въ другомъ еще отношеніи современная молодежь неблагодарна и не имѣетъ памяти. Результатами эмансипаціоннаго движенія 60 и 70 г. г. воспользовались и тѣ послѣдующія поколѣнія, которыя ему враждебны и всегда его поносятъ. Это вѣдь обычное явленіе въ исторіи, ибо неблагодарность есть основное человѣческое свойство, при этомъ сознаваемое обычно не какъ грѣхъ, а какъ добродѣтель. Въ женскомъ эмансипаціонномъ движеніи 60 и 70 г. г. было немало уродливаго, комическаго и отрицательнаго, вызывающаго противъ себя справедливую духовную реакцію. Но въ немъ были достигнуты результаты, которые приняты всѣми нами. Всѣ нынѣ живутъ болѣе по Чернышевскому, чѣмъ по Домострою. Христіанское Движеніе Русской Молодежи въ эмиграціи съ активнымъ участіемъ дѣвушекъ было бы невозможно, если бы не было Чернышевскаго. Кружки молодыхъ людей и молодыхъ дѣвушекъ, большая свобода ихъ общенія, отсутствіе внѣшнихъ условностей и стѣсненій, высшее образованіе дѣвушекъ и занятіе ихъ медициной, — все это возможно лишь послѣ эмансипаціоннаго движенія русскаго нигилизма. Такого рода явленія нашего

времени предполагаютъ сломленный Домострой. Молодежь не можетъ уже жить по Домострою и не живетъ, хотя бы отвлеченно признавала его вѣчную правду. Мораль Домостроя не есть вѣчная христіанская мораль, это есть временная и переходящая мораль. «Что дѣлать?» Чернышевскаго, книга, художественно бездарная, безвкусная и элементарная, въ извѣстномъ смыслѣ представляетъ собой болѣе высокую ступень нравственнаго сознанія, чѣмъ Домострой. Это очень правоучительная, добродѣтельная, по своему аскетическая книга, морально оклеветанная. Ее никто давно уже не читаетъ, да и нѣтъ никакой надобности читать, — заинтересоваться ею можно лишь исторически. Но большая часть пожеланій Чернышевскаго стали давно уже достояніями нравственнаго и общественнаго сознанія, и онъ даже поражаетъ минимализмомъ своихъ требованій. Кого теперь испугаетъ идея кооперативныхъ швейныхъ мастерскихъ? Бухаревъ, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ русскихъ богослововъ XIX в., очень высоко ставилъ «Что дѣлать?» съ нравственно-христіанской точки зрѣнія. Говорю обо всемъ этомъ, потому что современная молодежь, не имѣя исторической перспективы, не понимаетъ, до чего ея собственная жизнь зависитъ отъ освободительнаго движенія прошлаго вѣка, которымъ былъ разрушенъ деспотизмъ семьи, бытовья и сословныя предразсудки, мѣшавшіе людямъ свободно двигаться и дышать, были завоеваны права интимныхъ человѣческихъ чувствъ, была потребована правдивость и изобличена и низвержена съ пьедестала условная ложь и лицемеріе въ человѣческихъ отношеніяхъ. И современные любители и искатели абсолютнаго авторитета во всемъ тоже хотятъ свободно дышать и двигаться, тоже не потерпятъ, чтобы жизнь ихъ налѣчилась безсмысленными условностями, предразсудками и самодурскими инстинктами. Те--

перь никто не отрицаетъ правъ дѣвушекъ на высшее образованіе, на медицинскую профессію, но въ прошломъ это было завоевано съ величайшимъ трудомъ движеніемъ, которое сейчасъ вызываетъ отвращеніе. Христіанская молодежь, группирующаяся сейчасъ вокругъ Монпарнасса, вполне воспользовалась Чернышевскимъ и его соратниками и могла бы повѣсить его портретъ въ залѣ своихъ собраній. Такъ и христіанство вошло нѣкогда въ міровую исторію, вполне воспользовавшись результатами античной языческой культуры, безъ которой учителя Церкви не могли бы создать своихъ богословскихъ ученій. Христіанское возрожденіе въ Россіи, конечно, воспользуется социальными освободительными движеніями XIX в. Это — законъ жизни, который дѣйствуетъ безъ того, чтобы его сознавали.

V.

Источникъ всѣхъ иллюзій и утопій всегда лежитъ въ абсолютизаціи относительнаго. Когда относительнымъ и преходящимъ вещамъ присвоивается абсолютное и непреходящее значеніе, всегда рождаются иллюзій, всегда исчезаетъ подлинный реализмъ въ отношеніи къ жизни. Всѣ государственныя и социальныя формы человѣческаго общежитія относительны и преходящи, принадлежатъ историческому времени и находятся въ состояніи измѣнчивости, текучести, процесса развитія. Извѣстная форма государственной власти и хозяйства хороша для одного времени и мѣста, но плоха для другого. Монархія или частная собственность также не являются абсолютными и непреходящими началами общежитія, какъ и демократическая республика или социалистическое хо-

еяйство. Абсолютными и непреходящими являются лишь духовныя, религіозныя и нравственныя основы человѣческаго общежитія, но не формы политическія или соціальныя. Такая же ложь и иллюзія считать монархію абсолютной формой государства, какъ и считать таковой республику. Формы монархіи или республики имѣютъ подчиненное и временное значеніе. Относительна природа самого государства. Государство относится къ средствамъ, а не къ цѣлямъ человѣческой жизни. Совершенная жизнь означала бы отмираніе государства. Утопія монархической государственности такъ же абсолютизируетъ относительныя вещи, связанныя съ преходящими средствами жизни, какъ и утопія соціалистической общности. Изъ реакціи противъ коммунизма въ эмиграціи начинаютъ придавать абсолютное значеніе формамъ частной собственности и даже капиталистическому хозяйству, столь явно исторически преходящему. Совершенно такъ же соціалисты считаютъ соціалистическое хозяйство абсолютной формой, единственной справедливой и должной. Иллюзіи абсолютной формы государственной власти тѣмъ болѣе странны, что именно наша эпоха благопріятствуетъ изобличенію того непомѣрнаго преувеличенія политики и государственной власти, которое свойственно было новой исторіи. Именно наша катастрофическая эпоха ведетъ къ сознанію абсолютнаго примата духовнаго надъ всѣми внѣшними формами человѣческаго общежитія. Въ Европѣ уже извѣрились въ спасительное значеніе парламентскихъ демократій, монархій или соціалистическихъ формъ общества. Все рѣшается реальной силой и реальными качествами людей, прежде всего силой духовной, а затѣмъ силой хозяйственно-трудовой. Моменту хозяйственно-соціальному также принадлежитъ примать надъ моментомъ государственно-политическимъ. Это и есть

переходъ къ социальному реализму, освобожденіе отъ иллюзій.

Такое перенесеніе центра тяжести въ духовныя начала жизни даетъ вѣрную ориентировку и направленность жизни. Лишь въ духовной жизни можно найти абсолютное. Его нельзя найти во внѣшней общественной жизни, въ государствѣ. И именно поворотъ къ духовной жизни, какъ жизни абсолютной и непреходящей, ведетъ къ социальному реализму, къ освобожденію отъ иллюзій и утопій, къ вѣрному зрѣнію, всему находящему свое мѣсто, ничего не преувеличивающему. Только переходъ къ новой спиритуальности и внутренней углубленности сдѣлаетъ насъ настоящими реалистами въ общественной жизни, свободными отъ дурной мечтательности, способными къ реальному строительству и къ дѣйствительному внесенію вѣчнаго во временное. Всѣ формы челоувѣческаго быта являются относительными и преходящими, не принадлежащими вѣчности. Относительнымъ и преходящимъ является и самый историческій стиль Православія. Онъ принадлежитъ историческому времени. Только незнаніе исторіи можетъ вести къ иллюзій, что Православіе всегда имѣло одинъ стиль. Православіе въ своей исторической судьбѣ имѣло уже нѣсколько стилей и можетъ имѣть еще нѣсколько. Стиль Православія константиновской эпохи очень отличается отъ стиля Православія эпохи доконстантиновской. Стиль эпохи первохристіанской отличается отъ эпохи вселенскихъ соборовъ и великихъ учителей Церкви. Стиль русскаго Православія петровской эпохи очень отличается отъ стиля русскаго Православія эпохи допетровской. И тѣ, которые вѣрятъ въ вѣчный стиль Православія, принимаютъ обычно за абсолютный — стиль какой-нибудь отдѣльной эпохи, чаще всего эпохи непосредственно предшествующей. Жизнь Церкви есть богочеловѣческій

процессъ и человѣческая сторона Церкви измѣнива, подвержена процессу развитія, въ ней должно быть вѣчное творчество. Духъ не можетъ быть прикованъ къ конечнымъ и преходящимъ формамъ, онъ динамиченъ по своей природѣ и всегда стоятъ передъ нимъ новыя творческія задачи. Абсолютизація относительнаго, прикрѣпленіе безконечнаго духа къ конечнымъ формамъ есть процессъ духовнаго оконстенѣнія, угашеніе духа. Христіанскій динамизмъ есть единственное вѣрное пониманіе духовной жизни и вѣрное отношеніе къ задачамъ жизни.

Послѣ революціоннаго разложенія и крушенія стараго строя, стараго быта отношеніе къ нему дѣлается не реально-органическимъ, а мечтательное-эстетическимъ или утилитарно-политическимъ. Отошедшее въ вѣчность прошлое имѣетъ надъ нашей душой исключительное обаяніе. Мы бываемъ зачарованы красотой прошлаго. Мы совершаемъ относительно прошлаго творческій актъ эстетическаго преображенія. Наше преображающее эстетическое воспоминаніе совершаетъ отборъ въ прошломъ цѣннаго, пребывающаго, достойнаго вѣчной жизни. Уродливое, тлѣнное, лишенное цѣнности въ прошломъ сплошь и рядомъ выпадаетъ изъ нашей памяти и изъ нашей любви. Эстетическое преображеніе говоритъ о прошломъ совсѣмъ не то, что говоритъ холодная и объективная историческая наука. Полны прелести и обаянія старыя усадьбы, памятники и развалины, старыя портреты, книги и письма, старыя преданія и воспоминанія. Черезъ нихъ воспринимается совсѣмъ не то прошлое, которое реально, прозаически когда-то было. Совсѣмъ не то значатъ памятники прошлаго, что они значили для современниковъ. Между нами и прошлымъ лежитъ очарованіе эстетическаго преображенія, отборъ вѣчнаго и прекраснаго, забвеніе тлѣннаго и уродливаго. Старина есть въ

настоящемъ, а не въ прошломъ. Отношеніе къ прошлому есть художество, искусство, и въ немъ раскрывается совсѣмъ особаго рода реальность, быть можетъ, ббольшая, чѣмъ та, которая дѣйствительно была. Для моего «настоящаго» есть большая прелесть, красота, обаяніе въ «прошломъ» русскаго дворянства, дворянскихъ усадебъ, дворянскаго быта. Но я знаю, что это есть красота эстетическаго отбора и преображеніе. Попробуйте возстановить крѣпостное право, дворянскія привилегіи, дворянскіе предразсудки, и обаяніе немедленно исчезнетъ, предстанетъ несправедливость и уродство реально бывшаго прошлаго. Для сохраненія красоты и обаянія прошлаго, для его увѣковѣченія именно нужно не возстановлять его. Прошлое входитъ въ вѣчность, дѣлается достиженіемъ вѣчности, когда оно не реставрируется, не возстанавливается въ своей прежней смѣшанной реальности, когда оно преобразуется эстетически и не только эстетически, а и духовно, одухотворяется выживаніемъ лишь вѣчныхъ въ немъ элементовъ когда побѣждается тяжесть бывшей въ немъ грубой матеріи. Это есть великій парадоксъ времени. И его нужно понять тѣмъ, которые идеализируютъ прошлое для его реставраціи. Именно они то и мѣшаютъ введенію прошлаго въ вѣчность, узаконяя въ немъ тлѣнное и временное. Политически-утилитарное и корыстное отношеніе къ прошлому есть отверженіе его отъ вѣчности, есть уродованіе его, отбирание дурного въ прошломъ. Ни одинъ человѣкъ «настоящаго» не можетъ жить органически бытомъ «прошлаго», никогда этотъ бытъ не бываетъ для него тѣмъ, чѣмъ онъ былъ для людей прошлаго. Онъ можетъ опредѣлять свое отношеніе къ прошлому или эстетически и духовно преобразуя его и тогда отбирая въ немъ прекрасное и вѣчное или политически реставрируя его и тогда отбирая въ немъ дурное и тлѣнное.

VI.

Нѣтъ ничего труднѣе, какъ установить должное соотношеніе между духовнымъ и мірскимъ, природно-историческимъ, между Церковью и государствомъ, обществомъ, культурой, — между вѣчнымъ и временнымъ. Это должное соотношеніе постоянно нарушается въ обѣ стороны душевными реакціями людей, ихъ эмоціями, страстями, страхами, интересами. И тѣ, которые стоятъ за абсолютное преобладаніе Церкви, нерѣдко вносятъ въ свое пониманіе Церкви власть исторически-относительнаго, прилипшаго въ прошломъ отъ слишкомъ мірскаго, отъ мірской суеты, отъ царства кесаря. Ошибочно думать, что обмірщеніе Церкви, происходитъ лишь отъ гуманистической культуры и гуманистической общественности. Оно не менѣе происходитъ отъ авторитарнаго государства, отъ іерархическаго властолюбія. Человѣческія притязанія по разному себя выражали въ Церкви и искажали церковную жизнь человѣческими интересами. Царство кесаря наложило на исторію Церкви роковую печать въ прошломъ и исказило даже формулировку христіанскихъ догматовъ. И многимъ кажется сейчасъ, что они защищаютъ нерушимость церковнаго начала и вѣрны церковной традиціи, въ то время какъ они охраняютъ традиціи стараго царства кесаря, искажавшаго жизнь Церкви и порабоцавшаго Церковь. Необходимо огромная духовная трезвость, отрѣшенность и зрячесть, чтобы видѣть размѣры совершившагося переворота и въ немъ различать духовное и мірское. Нужно побѣдить новыя иллюзіи молодежи, чтобы увидѣть неотвратимыя послѣдствія революціи и до конца сознать вступленіе въ новую историческую эпоху.

Эмигрантской молодежи раньше или позже предстоитъ встрѣча съ пореволюціонной Россіей, внѣ

которой она сформировалась, жила и определяла свое мечтательное и нервно иллюзионистическое отношение къ Россіи дореволюціонной. Ей предстоит встрѣча съ новымъ соціальнымъ слоемъ изъ рабочихъ и крестьянъ, который сталъ активной исторической силой. Въ этомъ слоѣ она встрѣтитъ пытливость и взволнованность, которыя ей чужды. Не легко ей будетъ защищать свои вѣрованія. Передъ Православной Церковью въ Россіи стоятъ новыя задачи. Радикально измѣнилось отношеніе Церкви къ государству, Церковь должна дѣйствовать въ новой соціальной средѣ и имѣть новый соціальный базисъ. Молодежь эмигрантская не всегда понимаетъ это измѣненіе положенія Церкви и иногда готова навязать Церкви свои новыя иллюзіи, искренно вѣря, что этимъ она остается вѣрна церковной традиціи. Аффектъ ужаса отъ революціи можетъ помѣшать встрѣчѣ эмигрантской молодежи съ молодой Россіей, родившейся въ революціи. И это можетъ быть очень трагично. Быть можетъ болѣе всего нужно молодежи освободиться отъ патологическаго страха, отъ древняго ужаса, появляющагося во все новыхъ и новыхъ формахъ. Истинный духовный путь и заключается въ томъ, чтобы страхъ міра, страхъ людей, страхъ зла былъ побѣжденъ страхомъ Божиимъ, а страхъ Божій былъ изгнанъ совершенной любовью. Аффектъ страха мѣшаетъ творческому движенію. Говорятъ о Христіанскомъ Студенческомъ Движеніи. Но движеніе можетъ быть лишь творческимъ. Не творческое движеніе есть *contradictio in adjecto*. Только творческое движеніе плодотворно и жизненно. Даже реакціонное движеніе заключаетъ въ себѣ творчество. Не творческое движеніе безжизненно и мертвенно, оно несетъ съ собой скуку, которая не будетъ лучше отъ того, что она будетъ благочестивой. Отсутствіе творческаго темперамента есть самое большое зло всякаго жизненнаго движенія.

Внутри Церкви ставятся огромныя творческія задачи, задачи богословско-гностическія, апологетическія, культурныя, соціальныя. И рѣчь идетъ не о движеніяхъ Церкви, а о движеніи в ъ Церкви. Многіе думаютъ, что движенія внутри Церкви быть не можетъ, а возможно лишь движеніе къ ней, къ самой же Церкви начинается бездвижный, застывшій покой. Это есть вредная иллюзія, которая должна быть преодолѣна. Мотивы церковныя и національныя должны укрѣпиться въ душахъ молодежи. Въ этомъ она болѣе права, чѣмъ поколѣнія предыдущія. Но, утверждая абсолютный приматъ духовной жизни, какъ начала вѣчнаго, нужно изнутри духовной жизни творчески преобразовать исторію, общество, культуру, мысль. Тогда только будетъ движеніе жизни, и сама духовная жизнь не превратится въ благочестивую скуку. Творческое духовное движеніе будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрно лучшимъ традиціямъ русской религіозной мысли XIX в. Духовный возвратъ молодежи на родину будетъ означать, что вѣра въ великую миссію Россіи и русскаго народа осталась несокрушенной революціей. Тогда только религіозное движеніе можетъ имѣть силу и способность преобразовать жизнь.

Николай Бердяевъ.
